

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Свидетели живут недолго

«Автор»

2008

Александрова Н. Н.

Свидетели живут недолго / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2008 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

При загадочных обстоятельствах гибнут один за другим сотрудники питерского НИИ. Две смерти еще можно как-то списать на самоубийство. Одну – на несчастный случай. Одну – на ограбление. Милиция считает происходящее цепью совпадений. Однако детектив-любитель со стажем Надежда Лебедева прекрасно понимает: таких совпадений не бывает. В НИИ орудует убийца. Однако чем ему помешали скромные ученые? Надежда Лебедева начинает собственное расследование – и приходит к совершенно неожиданным результатам... Книга также выходила под названием «Испытательный срок для киллера».

© Александрова Н. Н., 2008

© Автор, 2008

Наталья Александрова

Свидетели живут недолго

Надежда открыла дверь боком, потому что руки у нее были заняты двумя огромными коробками с польским печеньем.

– Ну, здравствуйте, дорогие сотрудники!

Ее моментально окружили, стали рассматривать, расспрашивать, причем говорили все хором:

– Ну, Надежда, помолодела лет на десять!

– Ой, Надежда Николаевна, костюмчик какой симпатичный! И сидит отлично.

– А чай когда будем пить: в обед или, может, прямо сейчас?

Надежда отвечала всем сразу, что приехали они с мужем только вчера, что костюм, если перевести злотые на наши деньги, совсем недорогой, а чай будем пить, когда начальник, то есть Валя Голубев, позволит. Валя Голубев был не только начальником сектора, но и давнишним Надеждиным приятелем, поэтому он, конечно, разрешил пить чай прямо сейчас, так как чувствовал, что начнутся бесконечные расспросы и рассказы и все равно никто работать не будет. Еще бы: человек из отпуска вернулся, да не от бабушки из деревни, а из Польши! Это другой кто-нибудь скажет: подумаешь, курица не птица, Польша не заграница! Сейчас, мол, все границы открыты, езжай куда хочешь, хоть по турпутевке, хоть по приглашению. Денежки только иметь надо. Все так, да не совсем. На их режимном предприятии люди раньше десятилетиями сидели за проходной и подумать ни о чем таком не могли. Года три назад, году в девяносто втором, только лед тронулся. Охали, охали режимники, а жизнь все равно свое берет. И стал потихоньку народ за границу выбираться, чтобы мир посмотреть. Сначала в бывшие соцстраны, а потом и подальше: кто в Париж, кто в Израиль, а одна женщина приходит к замдиректора по режиму и приносит приглашение: в Америку собралась, к дочери. Дочка у нее там, оказывается, уже три года живет, а никто ничего и не знал. Замдиректора, говорят, чуть удар не хватил. Ничего, пусть привыкает.

Валя подошел к Надежде, одобрительно оглядел ее, понюхал коробку с печеньем.

– Ну ладно, не утерпеть ведь до обеда. Давайте, девочки, ставьте чайник быстренько. Лена, будь человеком, сходи, питание руби там!

Лена Трофимова оторвалась от обсуждения и ощупывания Надеждиного костюма и отправилась в коридор, где в маленькой комнатке находился распределительный щит и рубильник, включающий питание. И хотя ключи от щитовой находились у начальника и инструкцией категорически запрещалось посылать в щитовую случайных людей, Валя частенько пренебрегал инструкцией. Надежда только-только успела дойти до своего стола, поставить коробки, снять сапоги и достать туфли, тоже, кстати, новые, как дверь внезапно с грохотом распахнулась.

На пороге стояла Лена Трофимова. Лицо у нее было не бледное и не белое, а какого-то серого цвета. Абсолютно безумные глаза перебежали с одного человека на другого. Она ничего не говорила, только открывала рот, как рыба. За спиной у Лены мелькнуло встревоженное лицо электрика дяди Васи.

– Что-то с вашей девушкой неладно! – крикнул он и скрылся.

Но сотрудники уже и сами поняли, что с Леной неладно. Она, как сомнамбула, вытянув руки вперед, вышла на середину комнаты и застыла. Лаборантка Светка пронзительно взвизгнула. Лена вдруг с размаху, как подкошенная, грохнулась на пол и забилась в конвульсиях.

– Звоните в медпункт! Срочно!

Кто-то уже набирал номер, там было занято. Стук Лениной головы о паркет разносился по всей комнате, пока Надежда первой не опомнилась и не подложила ей под голову чью-то куртку. Лена продолжала содрогаться, причем по-прежнему не кричала, а только хрипела,

руки ее закинулись назад и пытались сцепиться в замок. Надежда вдруг вспомнила рассказы старушки соседки, которая в войну была медсестрой в санитарном поезде, о том, что была у них сестричка-грузинка, у нее после контузии случилась эпилепсия, и вот как начинается у нее припадок, так она руки наверх норовит завести и в замок сложить, а если успеть и не дать ей руки соединить, то можно припадку избежать. У Лены на губах показалась пена.

«Точно! Эпилепсия! – с ужасом подумала Надежда. – Бедная Ленка!»

– Ну-ка, хватайте ее за руки – и в стороны.

Надежда разогнала всех, оставила только Вальку и еще одного парня поспокойнее, Кирилла Михайлова, велела им держать руки, а сама приподняла Ленину голову и побрызгала водой, но ничего не помогало.

Наконец дозвонились до медпункта. Фельдшер Алевтина Ивановна была на месте, поняла все с полуслова и, несмотря на полноту и пенсионный возраст, собралась за пять минут и взлетела на пятый этаж, не дожидаясь лифта, который опять где-то застрял. Едва взглянув на Лену, она распорядилась на бегу:

– Валентин, мигом беги звонить в больницу, пусть срочно «скорую» высылают, вот телефон. Надежда, стой тут, держи руку, я укол сделаю.

После укола Лена немного затихла, но ничего не говорила и никого не узнавала. Надежда обтерла ей лицо губкой, пены больше не было. Алевтина ощупала Ленину голову, сказала, что, может, обойдется без сотрясения мозга, а диагноз поставят в больнице. Прибежал Валя, потребовал Алевтину к телефону. После пятиминутного разговора Алевтины с больницей на повышенных тонах «скорая» приехала довольно быстро. Лену положили на носилки, накрыли одеялом и унесли. Она уставилась в потолок бессмысленным взглядом и по-прежнему молчала. Алевтина собрала Ленины вещи, сказала, что поедет в больницу на «скорой», а оттуда позвонит.

После ухода санитаров в секторе повисло тягостное молчание. Потом открыли форточку, поставили на место разбросанные стулья и немного оживились. Валя Голубев подошел к Надеждину столу.

– Ну что, народ, давайте, что ли, чайку все-таки выпьем для бодрости. Жалко Ленку, но, может быть, обойдется там. Татьяна, ставь чайник-то.

– Уж давно стоит, сейчас закипает, – невозмутимо отозвалась Полякова.

– Да? Так что, Лена питание успела включить? А ключ от щитовой где?

– Может, там, в дверях, остался?

– Пойду посмотрю, пока никто из начальства на него не наткнулся.

Валя вышел, но через две минуты появился в дверях в таком виде, что сотрудники испугались повторения истории с Леной Трофимовой. Волосы у него стояли дыбом, безумные глаза бегали по сторонам, так же как Лена, он силился что-то сказать, но не мог.

– Елистратыч, ты чего? – охнул кто-то.

Однако Валя все-таки был не двадцатисемилетней молодой женщиной хрупкого сложения, а здоровым крепким мужиком на пятом десятке, отцом двух взрослых сыновей, спортсменом и начальником сектора. Поэтому он в обморок не упал и в истерике не забился. Все подбежали к нему, затормозили, он сделал над собой усилие и заговорил:

– Р-растудить твою! – Валя пустил отборным матом. – Там, в щитовой, Никандров повесился!

Все дружно ахнули, а потом рванули в щитовую убедиться.

– Бабы, назад! – рявкнул полностью опомнившийся Валя Голубев. – Не для вас там зрелище.

Женщины притормозили, некоторые из мужчин – тоже. Зрелище действительно было не для слабонервных. Никандров, при жизни мужчина плотный, среднего роста, но коренастый и широкоплечий, не висел, а как-то стоял, как огромная кукла-марионетка, перегораживая

собой тесный чуланчик щитовой. Шея его была прикручена жгутом к отопительной трубе, а сине-багровое лицо с вывалившимся языком так страшно, что мужчины выскочили в коридор и даже отошли подальше.

– Да, немудрено, что Ленка отрубилась. Представляешь,ходишь, включаешь свет, а тут такое. Могла бы и на месте помереть от разрыва сердца.

На шум прибежали сотрудники других секторов, потом начальник отдела Сеницкий подошел не спеша, спросил строго, что случилось. Голубев злорадно ответил ему, что, мол, сами посмотрите. Тот заглянул в дверь, побледнел до синевы, щеки у него обвисли, и он почти бегом бросился в свой кабинет.

– Милицию вызывайте! – крикнул ему вслед Валя.

– Ты чего это, Елистратыч, так с ним по-хамски разговариваешь? – спросила Надежда.

– А-а, теперь куда ни посмотри, я везде крайним буду. Никандрову ключи давал, Ленку в щитовую послал, когда должен был сам сходить, да и вообще должен же кто-то виноватым быть, вот я и буду.

– А что ты действительно ключами разбрасываешься, ведь не положено же, так кто угодно может взять.

– Вот, Никандров взял и повесился. Откуда я знал, что он вешаться вздумает? Сама знаешь, у нас сейчас гибкий график ввели, можно на работу приходить с полвосьмого до десяти. Я к девяти прихожу, а Никандрову было удобнее к полвосьмого, что ж мне его стеречь с утра? Или ему питание не включать, меня ждать, так зачем тогда вообще приходить?

– А что он в такую рань на работу приходил-то? Чем он сейчас занимался?

– Да делал что-то свое, я не проверял. Сама знаешь, сейчас особо работу не требуют, вот он по утрам возился с чем-то своим. Для Мерзоева какой-то заказ.

У Мерзоева было малое предприятие здесь же, в институте, он доставал заказы, потом заключал временные трудовые соглашения с сотрудниками, которые выполняли работу, расплачивался сразу, и все были довольны.

– А чем сейчас Мерзоев занимается?

– Да охранную сигнализацию делает для банка одного и для магазина на Невском.

Приехала милицейская бригада: женщина-врач и два парня в штатском, эксперт и опер, похожие друг на друга, только один блондин, а другой – брюнет. Всех разогнали по комнатам. Тело Никандрова отцепили от трубы, осмотрели и увезли в морг. Врач уехала, эксперт возился в щитовой, а оперативник обосновался в кабинете Сеницкого и стал снимать показания с сотрудников. Первым вызвали Голубева. Он вернулся через полчаса злой как черт, присел к Надеждиному столу и нервно схватил печенье.

– Как сказал, так и вышло. Я кругом виноват. И зачем ключи давал, и почему не уследил, и что вообще у меня в секторе творится.

– Милиции-то какое дело, что в секторе творится.

– Да нет, это Сеницкий уже потом мне в коридоре вставил.

Когда Валя сердился, он бывал грубоват.

– А что они там говорят, самоубийство это, точно?

– Да вроде к этому склоняются. Опер спрашивал, были ли у него какие-нибудь неприятности. Я говорю, у нас у всех одни неприятности, денег не хватает, платят мало, отсюда и неприятности. А как у него, говорит опер, со здоровьем было и в семейной жизни? Я говорю, про это ничего не знаю, там, в семье, и спрашивайте. Ну, он вызовет еще теток, Полякову там, она вечно все знает, а тебя не будут спрашивать, я сказал, что ты сегодня из отпуска первый день и ничего не знаешь.

– Ну спасибо, Валя, выпей еще кофейку.

Надежде было жалко Вальку: надо же, такое ЧП, теперь действительно начальство вцепится намертво, могут и с начальников снять, ведь Голубев таки нарушил инструкцию, а с инструкциями в институте всегда было строго.

Валя Голубев был хороший человек, это признавали многие, но с начальством отношения у него не складывались. Он не любил подчиняться, заискивать и открыто презирал начальников за то, что они, за редким исключением, ничего не соображали в инженерной работе. С начальником отдела Сеницким у Вали были особенно сложные отношения, а Сеницкий был, по Валиному же выражению, мужик сволочеватый, так что теперь он воспользуется случаем и отомстит Вальке. Что его снимут с начальников сектора, Валя не боялся, ему это было до лампочки. Прибавка к зарплате небольшая, а забот – выше крыши. Да и назначили-то его начальником случайно, прежний начальник Яков Михайлович вышел на пенсию, а никто из подходящих людей не хотел вешать себе на шею такой хомут: сектор маленький, двенадцать человек всего, в основном женщины. Начальство от безысходности предложило должность Вале, и коллектив его уговорил.

Надежда знала Вальку очень давно, больше двадцати лет, они пришли работать почти вместе, только Валя был старше ее на три года, так как перед поступлением в вуз служил на флоте. И хоть было это давно, Валя службу свою помнил очень хорошо и по каждому поводу рассказывал флотские байки, причем редко повторялся.

Обласканный Надеждой, Валя выпил еще кофейку и печенья съел полкоробки в расстроенных чувствах, а потом его опять вызвали к начальству. Надежда сидела за столом и думала грустные думы. Она вспомнила Сергея Никандрова, который хоть и работал в институте много лет, был человеком довольно нелюдимым, ни с кем близко не сходилась, никому про себя ничего не рассказывал. Надежда раньше его мало знала, так, здоровались в коридоре, а года два назад, когда их сектор остался без начальника и его расформировали, а потом началась всеобщая реорганизация, Надежда не долго думая попросилась в сектор к Вале Голубеву, да он и сам ее давно звал, а потом и Никандров туда перешел. А сектор их старый расформировали потому, что начальник сектора Сан Саныч Лебедев, муж Надежды, уволился в связи с переходом на другую работу. Работал он начальником недолго, меньше года, и сначала Надежде ужасно не понравился. А потом много всего случилось плохого, много пришлось им вместе пережить. Оба они с Сан Санычем были люди одинокие, дети у них взрослые, свои семьи имеют. И вот три года назад, после ноябрьских праздников, только посмотрели они друг на друга с интересом, а к Новому году уже поняли, что жить друг без друга не могут. И хоть официально они записались в ЗАГСе позже – он настоял, Надежде-то было все равно, – но вели отсчет своей семейной жизни с того Нового года. И вот на трехлетнюю годовщину их семейной жизни муж решил в качестве подарка свозить ее к своим родственникам в Краков. Хотели поехать на Рождество, но выяснилось, что двоюродная сестра Сан Саныча, которая была замужем за поляком и много лет жила в Кракове, уезжает на Рождество в Вену, сын ее с компанией студентов – в Париж, а свекровь восьмидесяти лет, которой сидеть бы дома и принимать гостей, собралась с группой паломников в Рим, чтобы помолиться в соборе Святого Петра и повидать папу. Ничего не поделаешь, Польша хоть и Восточная, а все-таки Европа, всюду им близко, вот и разъезжают все, кому не лень! Поэтому пришлось поехать в конце ноября, но оказалось, что так даже лучше: туристов мало, спокойнее.

Погода этой осенью в Кракове стояла на удивление теплая, дожди редки, снега вообще не было, а город был так хорош, что Надежда первый раз в жизни почувствовала себя абсолютно счастливой. Она вспомнила, как в первое утро в Кракове они с мужем самостоятельно пошли гулять. По крутой булыжной улице они поднялись в краковский замок – Вавель. На солнце набежала быстрая черная туча с яркой окантовкой света, хлынул короткий сильный, почти летний, дождь. Они спрятались от дождя в портале замкового собора, прошли под своды, спустились к могиле Мицкевича. Собор был почти пуст, только две женщины молились рядом в

одной из келий. Неожиданно яркий солнечный луч проник сквозь переплет высокого окна и упал на темную роспись стены, которая вспыхнула и ожила, как после прекрасной реставрации. Они вышли на воздух. Туч как не бывало, замок сверкал после дождя, как драгоценный камень в оправе темного золота осенних садов. Они вышли за крепостную стену, по зеленому, как весной, склону холма спустились к реке и долго брели вдоль нее, взявшись за руки.

Надежде нравилось все. И пустынный замок на горе, и строгие костелы с потемневшей резьбой внутри, и маленькие булочные, набитые какими-то удивительными кренделями и булками, и продавщицы на каждом углу с большими прозрачными ящиками, заполненными краковскими бубликами – они назывались баржанки, – и бесчисленные кондитерские, где продавалось что-то большое, воздушное и сбитое, и красивые полячки, и вежливо-вкрадчивое «Пшепроше, пани» по каждому поводу. Хозяева повозили их по всей Польше, показали Гданьск, Варшаву, но Краков остался в памяти навсегда.

Через две недели они уезжали из Варшавы поздно ночью. Прижавшись к теплоте плеча мужа, глядя на убегающие огоньки за окном купе, Надежда вдруг поняла, что так хорошо не бывает долго и что наверняка дома ждет ее какая-нибудь неприятность, и вот как в воду глядела. После двух недель счастья сразу, что называется, мордой об стол! Перед ней встало лицо, вернее, то, что было когда-то лицом Никандрова, которое мелькнуло в дверях щитовой. Да, судьба работает на контрастах!

Подошла Полякова, угадала ее мысли:

– Ну что, Надя, как тебе после заграницы наши дела показались?

– Ужас какой! С чего это он?

– Кто знает? Он ни с кем не разговаривал, пока тебя не было, так только, по делу.

Надежда не хотела задевать Полякову в первый день после отпуска, но не выдержала, прищурилась и ехидно произнесла:

– Ни за что не поверю, что ты про Никандрова ничего не знаешь. Неужели этот крепкий орешек оказался тебе не по зубам?

Татьяну Полякову Надежда про себя называла «женщиной, которая знает все», и это было верно на двести процентов. Информацию Полякова могла выжать буквально из ничего: из невольного восклицания, вскользь брошенного слова или поворота головы. Из всех этих мелочей Полякова умела делать правильные выводы. Память у нее была очень хорошая. Она знала почти все о почти всех сотрудниках института: кто на ком женат, у кого сколько детей, где эти дети учатся, кто счастлив в браке, а кто – нет, у кого с кем и в какое время были романы и даже у кого с кем романы предполагались, – надо отдать ей должное, в этом вопросе она никогда не ошибалась. У Надежды с Поляковой отношения были сложные, вообще-то они друг друга не любили, но сейчас, после Надеждиного замужества, дамы внешне старались держаться миролюбиво, а когда в ходе реорганизации Полякова попала в сектор к Вале Голубеву, Надежда смирилась.

«Видно, Татьяна, нам с тобой никуда друг от друга не деться, будем до пенсии с тобой вместе».

Полякова со смехом согласилась, и дамы почти подружились. И теперь она не обиделась на Надеждин выпад, ответила спокойно:

– Да что я буду им интересоваться, он странный какой-то, сидит в углу, целый день может молчать.

Это верно, женщин Никандров вообще сторонился, но иногда, когда они с Надеждой оставались попозже на работе одни, он вел себя вполне вежливо, даже пил с ней чай и беседовал на отвлеченные темы.

Опять пришел Голубев, мрачнее тучи, а с ним и милиционеры, которые расспросили всех по первому разу и решили взяться за содержимое никандровского стола. Чего там только не было! Старые газеты, хлебные крошки, микросхемы, конфеты «Коровка», кусок мыла, кипя-

тильник, книжка кроссвордов, дорожные шахматы, начатая коробка кошачьего корма, милицкий свисток (его почему-то особенно долго рассматривали), куча использованных трамвайных талонов, пачка бритвенных лезвий «Жиллетт», сапожная щетка и тюбик крема для обуви и, конечно, куча старых схем, отчетов и синек. По-видимому, не найдя ничего интересного, оперативники переговорили по телефону со своим начальством, получили какие-то ценные указания и уехали.

После их ухода Валя опять подсел к Надежде.

– Ну, уехала милиция, теперь туда вызывать будут, если что. Слушай, а с чего это менты взяли, что Никандров в психушке лежал?

– Да кто тебе это сказал, Елистратыч? Не в психушке, а в нервной клинике, осложнение у него было после сотрясения мозга, он мне сам рассказывал, да и было-то это с ним лет пятнадцать назад.

– Ну надо же, а менты так повернули, что он вроде бы даже на учете состоял.

– Так проверить же можно!

– Ну, если дома у него скажут, что с ним все в порядке было, тогда, может, и станут проверять, а так... Сбрэндил и повесился.

Надежда подумала, потом решилась:

– Знаешь, Валя, дома у него ничего не скажут. Он им дома не нужен был. У него сын взрослый, юридический окончил, работает в фирме, а у жены свой бизнес – цветочный. Она над всеми ларьками на Ладужской не хозяйка, конечно, но управляющая. И деньги зарабатывает приличные. А Никандров, конечно, денег приносил мало, да и характер у него был мрачноватый. В общем, он сам мне как-то рассказывал перед отпуском, жена, говорит, скандалит и гонит его из дому. Я, говорит, работаю, дочку прокормить и одеть смогу (дочка у него еще есть, школу заканчивает), а тебя уж извини.

– Ну ничего себе, жили, жили, двух детей нажили, а как денег мало зарабатывает, так сразу и гонят в шею! А знаешь, я думаю, выгнала она его, потому что я, когда утром с ним перед работой сталкивался, то смотрю, что ходить он стал не с той стороны, ну, не с той остановки, откуда раньше ходил, не из дома, значит, ездил.

– А где же он тогда жил-то?

– Да похоже что на даче. У них дача тут недалеко по Финляндской дороге. Там дом зимний, от матери ему остался, ты не была?

– Да нет, не приходилось.

– А я ездил в сентябре к нему за грибами. Там хоть и от города близко, но лес хороший. Вот он, наверно, и жил на даче, а ездить не дальше, чем на метро. А спросить я его постеснялся, вижу, что и так человек расстроенный ходит. И вообще я тебе скажу, Надежда, если нам оклады в ближайшее время не повысят, меня тоже из дому выгонят.

– Да брось ты, у твоей жены ведь бизнеса своего нету!

За этими разговорами день проходил быстро, после обеда позвонила Алевтина Ивановна, уже от себя, из медпункта, сказала, что у Лены глубокий шок, о чем сотрудники и сами уже догадались, что из шока ее вывели, накололи успокоительным и, если осложнений не будет, выпишут денька через два домой, а домашним Лены она уже сообщила.

– Что-то рано Лену выписывать собираются, всего два дня подержат после такого-то шока, – сказала Надежда.

– Да в наших больницах чем меньше находишься, тем лучше, – откликнулась Полякова.

Надежда лежала в больнице один раз в жизни, когда рожала дочку Алену, но тем не менее согласилась с Поляковой. Валя вступил в разговор:

– Ну не скажите, девочки, вот когда я на флоте служил, вот был со мной случай.

– Да ладно тебе, Валя, не время сейчас байки травить.

– Ничего, повеселю вас немного. Вот, значит, служил я первый год на противолодочном корабле. Корабль большой, народу много, офицеры сами по себе, а у матросов своя иерархия. Вот подходит обед, идут на камбуз дежурные-первогодки, сперва еду получают для авторитетных старослужащих, так вот подходит какой-нибудь салажонок к окну раздаточному и важно так повару: «Масло для Гасанова!» А Гасанов был самый что ни на есть матерый дед. И повар тоже уважительно так здоровый шмат масла отвалит этому первогодку и объявляет, как «Карета князя Юсупова!»: «Масло для Гасанова!» – и несет салажонок это масло по всему кораблю как знаки королевской власти. А потом уж, что останется, то нам, первогодкам. Кастрюля на восемь человек. Народу много, кастрюля маленькая. А знаете, как на флоте есть хочется?

– Знаю, – вздохнула Надежда. – Когда зять мой Борька приезжает из своего Северодвинска, я целыми днями у плиты стою.

Надеждина дочка Алена была замужем за морским офицером, и жили они в Северодвинске уже четвертый год.

– Так вот, – продолжал Валя, – представляете, несет дежурный эту кастрюлю с супом, а мы уже стоим с ложками на изготовку, он ее еще на стол не поставил, а мы уже черпаем – кто не успел, тот опоздал! А потом так же второе. А на второе на флоте что? Правильно, каша с тушенкой. А повар как банки консервные открывает? Берет нож такой огромный и – раз! – банку пополам. А в моем случае он – раз! – не открылась, тогда он еще – раз! – да попал не по тому месту, и полосочка жести, маленькая, сантиметра три, отвалилась и в кашу попала.

Валя рассказывал громко, заразительно жестикулировал, и его уже слушали все, даже мужчины.

– Ну, принес я кашу – сам, главное, дежурным был, – кастрюлю мы быстренько уговорили, потом компот, все ничего, и с ужином ничего, а ночью чего-то болит у меня внутри. День терпел, потом к врачу пошел, потому как сил нет терпеть больше. Положили меня в госпиталь, просветили там, говорят, застряла эта фигня в пищеводе, за стенку зацепилась.

– Как же ты не заметил, что жестянку ешь? Не жевал, что ли?

– Какое там жевать! Проглотить бы успеть!

– Ну и жрать же ты горазд, Елистратыч! – Это Кирилл Михайлов выразил общее восхищение.

– А что? Я вообще-то ем очень мало, но через силу могу сожрать сколько угодно. – Это была любимая Валина присказка. – Так я продолжаю. Смотрел меня в госпитале хирург Лев Израилевич, щупал со всех сторон, а потом говорит: «Жалко мне тебя резать, давай-ка мы эту штуку вниз пропихнем, в желудок». «А в желудке как же?» – спрашиваю. «За это, – говорит, – не беспокойся, в матросском желудке все растворится». Ну и пропихнул такой палочкой какой-то специальной. А потом я два месяца в госпитале ошивался, вазелин пил.

– Как это?

– А так. Приносит мне сестричка стопочку такую, грамм сто жидкого вазелина, я так беру, говорю, мол, девочки, ваше здоровье, и – залпом!

– Герой ты Валентин!

– Да уж, и так два месяца каждый день. Сестрички приходили из других отделений на меня смотреть, хорошеньких много. И главное: на хирургии-то почти все лежачие, после операции, а я один здоровый. Ох, и пожил я в этом малиннике в свое удовольствие!

После работы Надежда поспешила домой, где должны были ее ожидать муж и кот. Кота на две недели их отпуска отдавали в чужие руки к родственникам, и муж страшно волновался, как там котику жилось без них, тем более что родственники, беря кота, были далеко не в восторге. Однако, придя домой, она застала пустую квартиру, успела переделать массу хозяйственных дел и начать волноваться, когда наконец раздался долгожданный звонок. Муж стоял на пороге

с корзиной в руках и выглядел каким-то смущенным. Надежда представила себе отошавшего, заморенного Бейсика, который даже мяукнуть не в силах, и сгоряча мысленно поклялась себе больше никогда, ни на один день не отдавать бедное животное чужим людям. Тут муж прошел в комнату и без сил опустился на диван.

– Ох, все руки мне оттянул!

Он открыл корзину, которая оказалась до краев заполнена чем-то рыжим. Пушистая масса нехотя пошевелилась, показалась голова, потом лапы в белых носочках. Не открывая глаз, кот зевнул, потом открыл глаза, с изумлением огляделся по сторонам, перевалился через край корзины и грузно шлепнулся на ковер. Надежда охнула и села на диван.

– Это не наш кот! Этот в три раза больше.

– Да наш, наш. Это они его так раскормили. Говорят, он все время просил есть.

– Мало ли что просил! Он же теперь килограммов десять небось весит! Все, Бейсик, у тебя будет недельное лечебное голодание.

– Ну уж, ты сразу такие крутые меры! – Сан Саныч забеспокоился.

– Пока не придет в норму, кот будет на строгой диете. Это же кошмар, я его на руки взять не могу, до чего тяжелый!

* * *

На следующее утро Надежда в полдевятого была уже перед дверью сектора. Однако дверь была открыта, и Валя Голубев в полном одиночестве уныло сидел за столом над какими-то бумагами.

– Привет, Елистратыч, ты чего это делаешь?

– Ох, мать, не поверишь, некролог переписываю.

– Так вчера же написали!

– Вчера написали, а председатель профкома не принял. И замдиректора по режиму тоже ввязался. «Безвременно погиб» – как это, говорит, ведь все же знают, что он повесился. Я говорю, что же, так и писать – «безвременно повесился»? А он говорит, вы товарищ Голубев, очень легкомысленно подходите к сложной проблеме. Это еще, говорит, надо подумать, почему именно в вашем секторе такое случилось. Мы, говорит, разберемся и, уж будьте уверены, этого дела так не оставим! Я говорю: да какая разница, что в некрологе будет написано? Ведь нет человека, значит, хоронить надо, и все. А он: вот вы подумайте, говорит, еще, как написать, а завтра придете на утверждение. Господи, перестройке пятый год, парткомы давно упразднили, а у них, у начальствато, ничего не изменилось, все равно все кругом товарищи.

– Что ж, прикажешь тебя господином Голубевым называть? – ехидно вставила Надежда. – Вот ты только представь: тот же начальник по режиму сидел на своем месте лет двадцать и секретность соблюдал. И вдруг: всю секретность понемногу отменять начали, народ по границам расползается и еще приходит такой наглый тип – ты то есть – и велит себя господином величать. Пожалей человека, Валька, ведь его же кондрашка прямо в кабинете хватит!

– Да при чем здесь я? – Валька не на шутку рассердился. – Ведь это Никандров помер, его хоронят. И представляешь, некролог в проходной не разрешают вешать, говорят, раз самоубийство, так нельзя.

– Что они, рехнулись, это же не в церкви?

– Надо полагать, рехнулись. Так что в некрологе-то писать?

– Ну, пиши «безвременно ушел из жизни».

– А что, нормально, спасибо тебе, а то у меня уже ум за разум зашел. А что ты, Надя, сегодня так рано-то?

– Да так, не спалось, проснулась пораньше.

Валя бросил ручку и внимательно посмотрел ей в глаза:

– Ты, Надежда, темнишь. Говори, о чем думаешь.

– Сначала ты.

– Ну ладно. Не нравится мне все это. То есть не это, – он показал на некролог, – то есть это тоже не нравится, и похороны, и вообще жалко Никандрова, а только вот я тут думал, что ведь жил он на даче, там лес кругом, народу по зимнему времени мало. Ну уж если такое задумал, так зачем же здесь, на работе, в щитовой вешаться? Тут ведь и помешать могут, все-таки люди кругом, и места в щитовой, прямо скажем, маловато.

– А кстати, ты уж извини, что я подробно спрашиваю, а только, он ведь не висел, как я понимаю, а разве человек сам так может себя задушить?

– Милиция сказала, что может. Он как-то не вниз с подоконника прыгнул, а вперед, вот и...

– И еще. – Надежда наконец осознала мысль, которая беспокоила ее с прошлого вечера и не дала спать с утра. Она подошла к журналу, в котором каждый сотрудник записывал время своего прихода и ухода. – Вот смотри. Никандров вчера пришел в 7.55, вот тут записано, а ты – без пятнадцати девять, за тобой почти сразу Полякова, а потом уже все потянулись. И когда я пришла в полдесятого, все были в сборе. Ты как пришел, что видел?

– Да все как обычно. Я пришел, дверь открыта. Подумал, что Никандров здесь, тем более он в журнале записался. Я тут пока разобрался, потом все пришли.

– А питание кто-нибудь проверял, было оно?

– Ты знаешь, я-то ничего не включал, тут из цеха звонили, потом из приборного, какой-то осциллограф на нас числится уже десять лет, а где он – никто не знает. Ты, кстати, у себя посмотри, может, найдешь на него документы, им только паспорт показать, а сам прибор – не надо.

– Ладно, взгляну. Так я к чему веду: вот пришел человек на работу, как обычно, дверь открыл, разделся, потом взял у тебя в столе ключ от щитовой и пошел включать питание, потом вернулся и сел работать, так? А в этом случае, допустим, Никандров собрался вешаться. Пришел на работу, как обычно, дверь открыл, разделся, взял у тебя ключ, пошел в щитовую, включил зачем-то питание, потом повесился, дверь за собой закрыл...

– Да, а что насчет двери?

– погоди, давай сначала с питанием разберемся. Ты, когда Лену посылал в щитовую, с чего взял, что питания не было? Ты хоть одним тумблером щелкнул?

– Да ты знаешь, я как-то забыл, смотрю – Никандрова нет, я не работал, мужики только пришли, а бабы наши чтобы сами по себе с утра работать начали! А тут все на тебя отвлеклись, тыходишь так эффектно, как королева, я и рот разинул.

– Валька, не морочь мне голову!

– Ну забыл я, что Никандров здесь, думал, нет его!

– Так вот что я тебе скажу: если он, Никандров, питание не включал, значит, его должна была Лена включить, правильно? А как бы она это сделала, а, Валь?

– Исключено! Чтобы питание включить, она должна была мимо покойника протиснуться, ты же знаешь, где там щит. Это же уму непостижимо, чтобы она его коснуться могла. Да у нее и сил бы не хватило, чтобы его повернуть.

– Да нет, она как дверь открыла, увидела эту жуть, так сразу бежать. А ты, когда вошел, кроме как на Никандрова, на рубильник-то посмотрел?

– Посмотрел машинально, но все помню. Все было включено, все шесть рубильников: три, которые 220 вольт включают, а три – которые на 380.

– Все шесть? А зачем ему все шесть? Он же на 380 вольт никогда не работал, только на 220.

– Верно, Надежда, то-то я думаю, что-то не так, а потом из головы вылетело.

– А теперь про дверь поговорим. Значит, Никандров дверь открыл, потом ключ тебе обратно в стол положил, а потом пошел и повесился?

– А дверь открытой оставил? Да нет, дверь была заперта, Лена ее открывала, потому что ключ в дверях торчал, когда я пришел.

– Это надо у Лены подробно спросить. Только если по логике вещей, то и питание не должно было быть включено, и дверь должна была быть заперта изнутри, и ключ там внутри был бы. Но у самоубийц логику трудно искать.

– Да уж. Но все-таки, Надя, как ключ в мой стол обратно попал?

– Не знаю. А вчера тебя об этом опер не спрашивал?

– Да нет, они там зашились все, дел по горло. За самоубийство ухватились, чтобы дело поскорее закрыть. А насчет двери... – Валя с сомнением покачал головой. – Там такой замок, вот пойдем посмотрим.

Они пошли в щитовую. Валя открыл дверь, потом попробовал ее плотно закрыть. Это не удалось, язычок замка не западал, его можно было утопить только при повороте ключа.

– Вот видишь, не закрыть дверь без ключа. Ну, допустим, утром, народу мало, свет не горел, могли люди не заметить, когда мимо проходили. Но Ленкато должна была видеть, что дверь открыта? А она зачем-то ключ вставила в замок.

– Ну что тут гадать, завтра ее из больницы выпишут, послезавтра она на работу выйдет, и мы все у нее спросим.

* * *

День проходил в унылых похоронных хлопотах. Приезжал сын Никандрова, молодой парень, одет хорошо, на «БМВ». Но выглядел очень плохо: под глазами мешки, сам весь бледный, руки трясутся – видно, очень переживал из-за отца.

После обеда лампа дневного света как раз над Надеждиным столом вдруг вспыхнула и взорвалась с грохотом. Все вздрогнули. Работать стало темновато, Надежда вызвала электрика. Пришел их старый знакомый дядя Вася, маленький мужичок в вечном синем халате, приволок огромную стремянку, долго возился там наверху, сказал, что сгорел патрон. Пока работал, выпросил все про вчерашнее, поинтересовался, когда похороны и как здоровье Лены Трофимовой. Наконец свет зажегся, и проинформированный дядя Вася ушел восвояси. Но и при свете работать Надежде не хотелось. В конце дня позвонил сын Никандрова, сказал, что похороны назначены на завтра, на четверг. Все засуетились, стали собирать деньги на цветы, пока кто-то не сообразил, что цветов-то как раз будет и так навалом, раз у жены цветочный бизнес. Заходило разное начальство, интересовалось Никандровым и Леной, разные знакомые и незнакомые сотрудники бесконечно хлопали дверьми, пока Валя не разозлился и не погнал всех из комнаты. Наконец этот длинный, тоскливый день закончился, все разошлись, условившись встретиться завтра в десять утра у проходной, где их будет ждать похоронный автобус.

* * *

Начальник отдела Леонид Петрович Синицкий собрался домой. Он убрал в сейф бумаги, запер ящики стола. Секретарша давно ушла, ему тоже пора. Он погасил свет, оставил только лампу на столе, присел на минутку и задумался. Что-то уставать стал в последнее время. Да и сейчас еще неприятности эти, самоубийство, Голубев этот несносный хамит. Он на Голубева наорал, так и его ведь начальство мордой об стол возило. И Ленка тут оказалась замешана. И чего ее понесло в щитовую? Это же действительно могла помереть со страху! Он сам, когда увидел, чуть в обморок не упал. Ну припомнит он это Голубеву!

Ничего, Ленка молодая, раньше ничем не болела, обойдется все. Завтра ее выписывают, послезавтра на работу выйдет, тут все утрясется, можно потом как-нибудь минутку улучшить и с Ленкой встретиться. Сколько он уже с ней? С прошлой весны, больше полугода. Так она вроде незаметная, а разглядишь – все при ней: фигурка, ноги длинные и не костлявая, он тощих не любит. Приодеть получше да гонору побольше – определенно красивая будет баба! Но молодые, да красивые, да с деньгами у них не работают, поинтереснее себе места находят, а у них в институте одни старые мочалки остались, которые уже больше никому не нужны. А его прямо

воротит от женщин старше тридцати. Ну слабость у него, любит молодых баб, ну что тут сделаешь! И чем старше он становится, тем женщины моложе ему нравятся. Жена знает, наверное, но молчит, ей так удобнее. А Ленка от него ничего не требует, так, подарки по мелочи, и все. И не болтлива, подружкам не протреплется. Ведь и ему, и ей огласка ни к чему: он – начальник, да и жену волновать не хочется, а она – замужем, ребенок маленький, зачем что-то менять?

Леонид Петрович встал, подошел к стенному шкафу, где висело пальто, и в это время дверь тихонько отворилась. Еще не оглянувшись, Сеницкий уже знал, кто это. Привычно екнуло сердце. Но он уже так привык к своему страху перед этим человеком, что внешне ничем этого не проявил. Человек подошел к столу, но не сел, и лицо его осталось в тени. Первым молчание прервал Сеницкий.

– В чем дело? – спросил он, хорошо спросил, голос даже не дрогнул.

– Дело? Есть к тебе дело. – Гость говорил тихим невыразительным голосом, растягивая слова и пришепетывая.

– Говорите. – В голосе Сеницкого все-таки проскользнули обреченные нотки.

– Девка твоя лишнее видела, не в том месте оказалась, не в то время.

– Какая д-девка?

– А ты думал, никто не знает, что ты с ней спишь? Ну, брат, тут все на виду, ничего не скроешь. – Гость рассмеялся дробным смешком. – Вот что, завтра ее из больницы выпишут, а послезавтра она на работу должна выйти. Так ты сделай так, чтобы она не вышла.

Леонид Петрович почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

– Что сделать? – Голос сорвался на фальцет.

Человек достал из кармана маленький жестяной патрончик из-под валидола.

– Вот, там одна капсула. Растворишь в спиртном, лучше в коньяке, и дашь ей выпить. Завтра это надо сделать.

Леонид Петрович хотел что-то сказать, но губы прыгали и щеки тряслись, он ничего не мог с собой поделать. Его гость посмотрел на него, что-то соображая. Потом сказал успокаивающе:

– Ты не дрейфь, лекарство это сильнодействующее. На давление действует. Ну, почувствует она себя плохо, пойдет к врачу, возьмет больничный и посидит недельку дома. А у нас пока тут все решится. Главное, чтобы за эту неделю она никому ничего не рассказала, что видела, и менты чтобы ее не допрашивали.

Леонид Петрович наконец справился с собой и спросил с ужасом:

– А что она видела? Это вы там, с Никандровым?

– Поздновато догадался.

Человек подошел вплотную к Сеницкому, слабый луч света упал на лысый череп и прилизанный седой клочок волос.

– Хватит трястись. Делай, что сказал, и не позже чем завтра. Я операцией рисковать не буду.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Леонид Петрович долго сидел в пустом кабинете, и перед глазами у него была черная мгла.

Лена Трофимова вышла на крыльцо больницы и, сощурившись, огляделась по сторонам. Так и есть: муж не приехал, и теперь надо добираться самой в даль несусветную по такой жуткой погоде. Дождь со снегом размывал первые сугробы, было мокро, скользко и противно. Лена ощутила, как к горлу подкатила уже не обида, а злость на мужа. Ведь звонила ему вчера, просила приехать и забрать ее. Он было уже согласился, но вмешалась свекровь, и опять все вышло, как она хотела! Лена побрела к автобусной остановке, чувствуя, как по щекам вместе с дождем катятся слезы. Что это с ней? Ведь, кажется, давно пора бы привыкнуть, но, видно, нервы совсем расшатались. После всех успокаивающих лекарств, которыми ее накололи в боль-

нице, голова была тяжелой, веки поднимались с трудом. И зачем она попросилась на выписку? Лежала бы еще в больнице и ни о чем не думала. Захотелось скорее сына увидеть. Ну что ж, сына-то она увидит. От духоты в автобусе Лене стало нехорошо, и какой-то мужчина, увидев ее бледное лицо, уступил ей место. Лена села, закрыла глаза, но грустные мысли не уходили. Все, все у нее в жизни было не так, неправильно, и она не видела путей, которыми можно было что-то исправить.

Родилась она в Новгороде, там у нее мама, папа, сестра, подруги, там же она окончила Политехнический институт, а потом приехала сюда погостить к тетке. Пошли как-то к теткой подруге на день рождения, и там Лена познакомилась со своим будущим мужем. Он тоже окончил институт и уже нашел работу, не бог весть какие деньги, но все-таки. Их роман развивался как-то быстро; через месяц Лене надо было уезжать, и они решили пожениться. Зачем? Новгород не так далеко, могли бы и подождать. Тетка Лену уговорила – что, мол, тебе в Новгороде работы приличной не найти, а тут все-таки большой город. Вот и нашла работу в НИИ. Денег платят гроши, на работе от звонка до звонка, единственное светлое пятно – Леонид Петрович.

Лена сразу почувствовала, что он на нее глаз положил, только долго сомневалась, виноватой себя перед мужем чувствовала. И если бы не свекровь... Ох, как свекровь Лену ненавидит! Лена вначале понять не могла: за что? Пыталась как-то отношения наладить, в конфликт не вступать, а потом поняла: без толку это, ничего не поможет. И даже рождение ребенка, сына Альки, их не примирило.

А Синицкий, конечно, ее не любит, да и она его тоже. Но относится Леонид Петрович к ней хорошо, подарки делает, с ним она наконец-то настоящей женщиной себя почувствовала. Конечно, он пожилой, за пятьдесят уже, но вот муж у Лены молодой, а что толку? Не получается у них ничего. Лене иногда кажется, что он и в постели свою мамочку слушается. Недавно проявил муж самостоятельность, нашел наконец работу, в магазине сантехники шофером, развозить товар покупателям или от поставщиков в магазин. Зарплата очень приличная выходит, права у него есть, раньше у них машина была, когда свекор был жив, потом продали.

Как свекровь была против новой работы, как орала! Да ты, кричит, с дипломом, простым шоферюгой – да через мой труп! Муж не сдался, характер выдержал, но на этом его самостоятельность и кончилась. Вчера свекровь услышала, что Лена просит ее забрать, так заорала, Лена на другом конце провода услышала:

– Ничего с ней не сделается, сама доедет, не ночью ведь, транспорт ходит, а с работы отпрашиваться, когда еще месяца не отработал, – это не дело, теперь такая работа на дороге не валяется.

Забыла уже, что месяц назад говорила! Лена вчера так разозлилась, трубку бросила.

Посмотрев в окно, Лена с трудом протолкнулась к выходу, вышла и через десять минут открывала дверь квартиры, втайне надеясь, что свекрови не будет дома. Но надежды не оправдались: вот она, свекровь, тут как тут. Лена сделала над собой усилие, поздоровалась, свекровь что-то буркнула в ответ, но все-таки предложила позавтракать. Лена отказалась, пошла в душ. После мытья настроение улучшилось, а когда Лена увидела, что свекровь одевается для похода по магазинам, жизнь показалась не такой плохой. Зазвонил телефон. Лена сняла трубку:

– Слушаю.

– Алло, это я. – Они не называли по телефону имен. – Мы можем встретиться?

– Вы не туда попали, – ответила Лена и скосила глаза на свекровь.

Свекровь застегивала сапоги, но уши у нее были, как локаторы, направлены в сторону телефона.

– Я тебе перезвоню через двадцать минут, хорошо?

– Да, – ответила Лена, – это наш номер, но никакого Вити у нас нет.

Через двадцать минут телефон зазвонил снова.

– Давай встретимся сегодня попозже, ты себя хорошо чувствуешь?

Лена растерялась.

– Но я не могу, я только из больницы, и что я дома скажу?

– Ну, зайка, придумай что-нибудь, ты же у меня умница. Значит, я жду тебя у «Академической» в два часа.

В двух остановках от метро «Академическая» находилась квартира, где они встречались. Лена не спрашивала, что за квартира, но по некоторым признакам поняла, что Леонид Петрович там не хозяин. Так, обычная однокомнатная квартира в пятиэтажке, запущенная, но зато всегда свободна, никто там не жил.

Лена подкрасилась, уложила волосы – в общем, привела себя в порядок и, уходя, столкнулась в дверях со свекровью.

– Ты куда это?

– В поликлинику, больничный закрывать. – И Лена, не дожидаясь лифта, побежала по лестнице.

Выйдя из метро, она отыскивала глазами его синюю «девятку». Он был бледен и улыбнулся ей болезненной улыбкой.

– Ты нездоров?

– Да нет, просто я ведь с похорон, из крематория.

– Ох, я совсем забыла. – Лена сморщилась, а он погладил ее по руке.

– Не думай об этом, поехали.

В квартире было тихо, пусто и пыльно. Они разделись, прошли в комнату, он завел какой-то пустой разговор, потом поцеловал ее, но отвернулся.

– Нет, не могу, настроения нет, все похороны в голове. Думал, отвлекусь, но нет. Пойдем кофе выпьем.

Лена заварила кофе на кухне, он вышел в коридор и вернулся с бутылкой коньяку. Лена удивилась:

– Зачем это? Ты за рулем, а я вообще коньяк не пью.

Но он так смотрел на нее, так упрасивал, что она согласилась. Разлив коньяк по рюмкам, он неловко повернулся. Чашка опрокинулась, кофе разлился на стол. Что это с ним сегодня? Лена вскочила, вытерла стол, налила новый кофе, они выпили. Леонид Петрович сказал, что коньяк хороший. Лена из вежливости согласилась, хотя коньяк был горький и ей совсем не понравился. Она вымыла посуду, думая, что сейчас они пойдут в комнату и займутся тем, для чего они сюда пришли, хотя в голове шумело и желания особенного она не испытывала. Но Леонид Петрович посмотрел на часы и вдруг заторопился. Лена удивилась, но ничего не сказала. Она сама засобиралась за сыном в садик.

Синицкий подвез ее к садику с другой стороны, не там, где Алька гулял с группой. Лена подошла к воротам, но воспитательница крикнула ей, что Альку уже забрали. Лена нагнала свекровь с сыном у дома. Она запыхалась, перед глазами бежали красные полосы.

– Ты где это шляешься? – Свекровь не стеснялась ни Альки, ни бабушек на лавочке у парадной.

Лена молча взяла Альку за руку и пошла к лифту. Дома свекровь гремела посудой на кухне, потом пришла доругиваться.

– Я тебя спрашиваю: ты где пропадала? За сыном вовремя прийти не могла, ребенок должен до ночи там сидеть, если я не приду!

Лена молча смотрела на свекровь, в ушах стоял звон, голова болела, голос свекрови временами пропадал, видно было только ее раскрытый рот с металлической коронкой сбоку, и от этого было еще страшнее. Лена вдруг представила, что она всю жизнь будет вот так стоять каждый вечер и слушать крик свекрови, та ведь никогда не болеет, очень редко уходит из дома и, судя по всему, переживет не только ее, Лену, но и Альку. Шатаясь, она зашла в их с мужем

комнату, закрыла дверь на задвижку, которую муж поставил по ее настоянию, чтобы Алька не убежал в самый неподходящий момент, легла на диван и провалилась в забытие.

Ее разбудил какой-то шум, крики. Открыв глаза, она огляделась по сторонам и увидела, что дверь вздрагивает от ударов.

– Лена, Лена, открой. – Это голос мужа, плач Альки.

Лена попыталась встать с дивана, но с удивлением поняла, что не может даже поднять руку. Она собралась крикнуть, но не смогла и этого. Удары в дверь усилились, видно, муж бил ногами. Вот задвижка отскочила, и они ввалились в комнату. Увидев Ленино лицо, муж закричал свекрови:

– Вызывай «скорую»! – и свекровь, не возражая, как обычно, метнулась к телефону.

Муж опустился на колени перед диваном.

– Лена, что болит?

– Ничего, – удивленно ответила Лена.

Она прислушалась к себе. Голова не болела, в ушах звона не было, но слышала она плохо, как под водой. Прошло какое-то время, Лена опять отключилась, потом приехала «скорая». Молодой врач осмотрел Лену, измерил давление, покачал головой, достал кучу каких-то ампул, смешал все в шприце и вкатил Лене укол в вену. Прошло еще немного времени, Лена все пыталась задремать, а он ей не давал. Потом он выгнал всех из комнаты, посчитал пульс, опять измерил давление, нахмурился и спросил:

– Говори, что пила или укол какой-нибудь делала? Ты не беременна?

Лена на все вопросы только мотала головой. Врач вышел из комнаты. Лена прислушалась, он звонил по телефону. Потом заговорила свекровь, как всегда, громко:

– Зачем в больницу, опять в больницу, что ее привезут на ночь глядя, все равно до утра никто не подойдет!

Врач рассердился, повысил голос:

– Собирайте ее срочно, в реанимации уже ждут!

Одевала Лену свекровь, сама она не могла пошевелиться. Ее вынесли на носилках муж и шофер «скорой». Муж поехал с ними, свекровь тоже втиснулась, Альку забрала соседка. В больнице их ждали, бегом выкатили каталку, подняли в лифте к реанимации. Лену быстро раздели, подключили какие-то приборы. Высокий темноглазый доктор в так идущей всем мужчинам-врачам белой шапочке взял Лену за руку, посчитал пульс, ласково попросил:

– Ты не молчи, разговаривай со мной. Муж у тебя есть, дети?

Она стала рассказывать доктору, что есть муж, и сын Алька четырех лет, и мама в Новгороде, а он в это время смотрел на приборы, считал пульс, пока сестра делала укол, а потом еще один из маленькой ампулы, которую принесли откуда-то сверху, из сейфа. Слабеющим языком Лена перечисляла доктору родственников в Новгороде и до самого конца не поняла, что умирает.

Заведующий реанимационным отделением вышел в коридор, где на скамейке сидели очень похожие друг на друга высокие, рослые парень и тетка.

– Ну что, доктор?

Он коротко ответил:

– Не спасли.

Парень обхватил голову руками с глухим стоном. Женщина поднялась во весь рост, заговорила было зычно, как всегда:

– Да что же это, да вы же ее уморили, – но врач так посмотрел на нее, что она прикусила язык на полуслове.

Доктор зашел в ординаторскую, поискал сигареты. Молоденькая ординаторша вбежала следом.

– Юрий Михайлович, как же так, да отчего же она умерла?

Врач вдруг стукнул кулаком по столу, так что треснуло стекло, и заорал:

– Да черт ее знает! Сам ничего не понимаю!

Павел Никандров закрыл дверь за последним родственником. Наконец-то этот ужасный день закончился, поминки прошли. Мать с двумя тетками гремела посудой на кухне. Специально не отпустила их, не хочет разговора. А ему, Павлу, и нечего ей сказать. Как только сообщили им о смерти отца, мать сразу же развила бешеную деятельность, устроила пышные похороны, только зачем это все? Павел зашел в комнату к сестре. Там было темно.

– Маринка, ты спишь?

– Какое там! – Маринка подняла голову.

Он присел рядом, прикоснулся к мокрой подушке, погладил ее по щеке.

– Ну хватит уже, заболеешь, если будешь столько плакать.

Она обняла его, уткнулась в плечо.

– Ох, Паша, какие же мы сволочи! Как же мы могли его до этого довести!

– Но не мы же его из дому выгоняли, это он с матерью поссорился.

– Теперь легче всего на нее все свалить. Ты вообще здесь не живешь, я не вмешивалась, вот и получили. Подарок мне ко дню рождения. А знаешь, он мне звонил ведь незадолго, за два дня до этого!

– Ну и о чем говорил?

– Да так, спрашивал, как живу и что хочу получить в подарок ко дню рождения. А я говорю, ничего не надо, все у меня есть, а духи французские «Пуазон» он ведь не потянет? А он говорит, отчего же, попробую, «Пуазон» так «Пуазон». Ой, Паша, неужели он из-за этого? А мать в милиции сказала, что он всегда был со странностями. Это же неправда, верно, он не сумасшедший?

– Ну ладно, ты успокойся, себя не вини, на тебя уж он, во всяком случае, не обижался.

Но Маринка, не слушая его, опять уткнулась в подушку и заревела.

Утром Надежда открыла дверь сектора, и в ноздри ей бросился запах дыма. Молодые сотрудницы, собравшись кучкой, курили у раскрытого окна.

– Вы что это, девчонки, прямо в комнате? До курилки не дойти? – строго спросила Надежда.

К ней подбежала заплаканная лаборантка Светка.

– Ой, Надежда Николаевна, Лена Трофимова умерла, сейчас только муж звонил.

– Как умерла? Ее же вчера из больницы выписали, все в порядке было!

– А вечером ей опять плохо стало, увезли в реанимацию, а там она сразу и умерла. – Светка заревела снова.

– Да отчего же? – Надежда растерялась.

– Да никто не знает. Давление падало и падало. И никакие лекарства не помогали. Когда в больницу увозили, шестьдесят на сорок давление было.

– Ничего себе! Ой, девочки, дайте-ка и мне сигаретку!

Пришел Валя Голубев, потянул носом, но его сразу огорошили новостью. Валя ругнулся матом, не стесняясь женщин, в последнее время от служебных неприятностей манеры его резко ухудшились. Пообсуждали, поохали, опять заходили соседи и знакомые, и опять похоронная карусель закружилась по новой.

* * *

Леонид Петрович Синицкий вышел из машины, запер двери, включил сигнализацию и не спеша направился к проходной. У проходной его окликнули, он обернулся и увидел, что его торопят догнать Сущенко. Тревожное чувство шевельнулось у него где-то внизу живота, но Синицкий не придал этому значения.

Аркадий Ильич Сущенко был интересной личностью. Давно уже, с незапамятных времен, он был начальником отдела копирования. Там стояли огромные машины, которые делали со схем синьки, кальки и так далее. Документации в институте, да и во всем государстве, придавалось тогда огромное значение. Как говаривал тот же Сущенко, не важно, что прибор не работает, главное, чтобы документация была в порядке. Поэтому его машины исправно работали и бесчисленные синьки и кальки рассылались во все концы страны, так как институт тогда еще имел многочисленные межотраслевые связи. Копировальные машины так устроены, что их надо промывать, а промывают такую технику, естественно, спиртом. Из этого следует, что Сущенко был в институте очень уважаемым человеком, потому что начальники-то в основном народ непьющий, а если кто и попивает потихоньку, закрывшись в кабинете, то коньячок, а не спирт, но начальникам надо было чинить автомобили, строить дачи и ремонтировать квартиры, а без спирта в то время к рабочей братии и подступиться было нельзя. Копировальные машины были сделаны в пятидесятые годы на совесть и работали без промывки, а спирт уходил на дела более важные.

Время шло, институт хоть и бедствовал, но понемногу закупал современную технику, но старые машины не ломались, и списать их было нельзя, а, стало быть, спирт регулярно выписывался и получался на складе. И хоть рабочий народ пошел нынче поприличнее и работу свою мерил не поллитрами, а деньгами, Аркадий Ильич Сущенко не сдал свои позиции и по-прежнему был уважаемым человеком.

У него был шикарный кабинет с мягкой мебелью и пушистым ковром на полу, в кабинете сидели он и экономист отдела Лариса Павловна, которую он высмотрел давно, лет десять назад, и приблизил к себе. Об их связи знал весь институт, все уже привыкли и перестали обсуждать. Однако у Сущенко была жена и взрослые уже дети, поэтому, для того чтобы встречаться, так сказать, в личных целях, Сущенко снимал однокомнатную квартиру у метро «Академическая». Встречаться у Ларисы они не могли, так как она жила с матерью и сыном от первого брака. Именно этой квартирой пользовался и Синицкий, не даром, конечно, а за деньги. Всем было удобно, только надо было следить, чтобы женщины ненароком не столкнулись, а то пошли бы всякие сплетни да расспросы.

Аркадий Ильич подошел к Синицкому, взял его за пуговицу пальто и рассмеялся:

– А-а, Ленечка, вчера не в свое время приходил, играет живчик-то, все на здоровье жалуетесь, а самто ого-го!

– Ты о чем, Аркадий? – Синицкий вдруг вспомнил про коньяк.

– Ты извини, Леня, мы с Ларисой сорвались вчера пораньше, я знал, что никого не будет, а приходим – ты был. Ты уж прости, дорогой, но коньячок-то мы твой выпили, так хорошо пошел.

– Да ладно, ничего страшного. – Синицкий улыбнулся и поспешил к себе.

В обед Валя подошел к Надеждиному столу.

– Черт, какая петрушка получается. Там еще никак не разобрались, так еще вот с Леной такое. Хорошо хоть милиция не шастает.

– Милиция, наверное, в больнице расспрашивать будет, а мы теперь, Валя, так и не узнаем, что же там в щитовой было, закрыта была дверь или открыта.

– Да, вот прямо перед глазами стоит: я вошел, у меня-то дверь открыта была и ключ в дверях, а он там удушенный петлей и узел на боку в шею врезался.

– Узел, говоришь? – Надежда что-то соображала. – А ты помнишь, какой узел был? Ну, как бы ты стал петлю вязать, если бы вешаться собрался?

– Типун тебе на язык! Зачем это?

– Давай, вяжи, вот попробуй на этом шпагате. Я бы сама попыталась, да мы узлы по-другому вяжем.

– Да уж вы, бабы, вечно норовите все на бантик завязать. Вот, смотри. Сначала делаешь маленькую петельку, вот так перекидываешь, а потом вот сюда продергиваешь.

– И там такой же узел был, в эту же сторону?

– Да, там веревка потолще была, узел сбоку, но точно такой же, а что?

– А то, что Никандров был левша, а когда в школу пошел, его быстро в правшу переделали, ручку в правую руку – и вперед! Это сейчас с левшами возятся, считается, что они талантливые, а раньше всех под одну гребенку. И он мне сам говорил, что правой рукой он только ест и пишет, а все остальное делает машинально, как будто левая рука у него главная. Значит, как бы он этот узел завязал?

Валя попробовал так и этак, потом покачал головой:

– Нет, я точно помню, такой был узел, как в первый раз. Это что же получается, а, Надежда?

– Не знаю, Валя, страшно мне.

Услышав от своей секретарши о Лениной смерти, Синицкий едва устоял на ногах. Кое-как дойдя до своего кабинета, он заперся изнутри, трясущимися руками достал из своего стола бутылку коньяку и стакан, кое-как налил, выпил, расплескав половину и совершенно не чувствуя вкуса. Состояние было такое, будто его ударили кувалдой в солнечное сплетение. Он распахнул окно, но воздуха все равно не хватало. Тогда он надел пальто, с трудом застегнулся и торопливо вышел из кабинета, чуть не бегом по коридору (кто-то его удивленно окликал, но он только отмахивался – потом, потом!) – через проходную – на улицу. Он долго шел куда-то, не разбирая дороги. Что гнало его? Раскаяние? Горе? Он понял со стыдом, что это страх.

Сущенко! Вот кто опасен. И баба его. Они моментально все вычислят, сложат два и два. Они сразу сообразят, что он с Ленкой вчера на квартире встречался и коньяк пил. И пойдут всем трепаться, баба, Лариска-то, – это уж точно! А как до всех дойдет, да в милицию кто-нибудь стукнет, да как начнут его в милицию таскать и допрашивать, да что там делали, да что пили! Мало того что и на работе все узнают, и жена. Это бы еще ничего, ну что жена, покричитпокричит для порядка да успокоится. Это-то он сможет уладить, а ну как обнаружат у Ленки яд в организме, ведь у них там вскрытие делают небось?

Он осознал внезапно, что это он, он сам, своими руками, дал ей яд и она от этого умерла. И никакого шока от страха и от лекарств, как тут все на работе говорят, это он, Синицкий, отравил ее чертовой таблеткой. И об этом очень просто могут узнать, когда этот придурок Сущенко начнет болтать. Черт его дернул связаться с ним из-за квартиры! Думал, так удобнее, платить меньше, и хозяин квартиры его не знает, Сущенко с ним договаривался. Вот теперь и влетел.

Синицкий остановился у какого-то подъезда, в глазах потемнело, к горлу подступила тошнота. Что же делать, Господи, что же делать? И, только увидев, куда он пришел, Синицкий понял, что давно уже знает, что делать. Он стоял в темном дворе-колодце перед железной дверью в полуподвал. Здесь была котельная, куда они один раз приходили с тем самым человеком. Синицкий постучал, сначала негромко, потом – громче, потом – ногами изо всех сил. Его трясло, глаза заливал пот. Наконец изнутри раздался скрежет засова, дверь приоткрылась, показался тщедушный, синий от пьянства мужичок.

– Ну, чего гремишь, чего надо?

– Халява здесь?

Мужичок изменился лицом, отступил назад, давая Синицкому войти, и крикнул за спину:

– Халяву ему, вишь ты, подавай!

Синицкий вошел внутрь. С улицы он как бы ослеп и вдруг оказался в жуткой темени с пляшущими в глубине языками пламени – вот он и ад уже, настоящий ад, которого он вполне достоин! Но в следующий момент глаза привыкли, а кто-то большой и темный захлопнул

заслонку печи и повернулся к нему лицом. Синицкий узнал это обрюзгшее безволосое бабье лицо, бледное, как сырая картофелина, эти мощные покатые плечи и длинные, как у гориллы, руки.

– Здорово, Халява. – Он попытался придать голосу твердости, но не больно-то получилось.

Халява глядел на него исподлобья, мрачно и подозрительно.

– Ты меня не узнаешь, что ли? Я с Винтом приходил.

– Много тут всяких ходит. Со всякими не наздравуешься.

– Дело у меня к тебе. Можно тут говорить?

– Тут-то можно, – Халява зыркнул на тщедушного алкаша, и тот как в воздухе растворился, – да ты-то что еще скажешь. Мы послушаем.

– Надо двоих... ну, ты понимаешь, это самое... Мужика и бабу. Иначе мне кранты. А через меня и Винту хуже будет.

Синицкий говорил простыми словами, ему казалось, что так до Халявы скорее дойдет вся важность дела.

– Да что ты за птица такая, чтобы из-за тебя ногами дрыгать? Чем двоих мочить, я лучше тебя сейчас ломом приложу да в печку и оприходуя!

Синицкий отшатнулся, но постарался сдержать ужас.

– Я заплачу. Я хорошо заплачу.

– Конечно, заплатишь. Это уж будьте уверены. Ладно, говори, когда и где. Я помозгую.

– В понедельник они точно там будут. После выходных им всегда невтерпеж. В понедельник надо дело делать.

После обеда сотрудники отдела собрали деньги на похороны Лены. Валя поймал Надежду в коридоре.

– Надя, надо деньги Лениному мужу отвезти. Поедем со мной, я на машине.

Надежда нехотя согласилась.

– Что это ты сегодня на машине, ты ведь зимой не ездишь?

Когда подъехали к дому Лены, Валя помялся, а потом сказал, отводя глаза:

– Может, ты сама сходишь? Неловко мне, понимаешь, вроде я во всем виноват, послал туда Лену. Сходил бы сам, ничего бы, может, не случилось.

Надежда была сердита на Вальку за то, что все неприятное он переложил на нее, как обычно делают все мужчины, и сказала:

– Вот и сходил бы, чего ж не пошел?

– Говорят же, на тебя загляделся.

– Да отвяжись ты! – Она с силой хлопнула дверцей.

У Лены дома была одна свекровь – здоровая тетка с крашенными хной волосами и металлической коронкой сбоку огромного рта. Надежда извинилась, представилась, тетка пригласила ее на кухню. Надежда отдала деньги, собралась уходить, но Ленина свекровь вдруг предложила ей чаю, и что-то заставило Надежду согласиться, хотя тетка эта была ей неприятна, потому что она помнила, как Лена жаловалась на свекровь, что та буквально не дает ей жизни и все время пытается их с мужем поссорить. Отхлебнув чаю, Надежда осторожно поинтересовалась, известна ли причина Лениной смерти. Свекровь поджала губы.

– Говорят, что отравление каким-то сильнодействующим лекарством, а в больницах открещиваются, клянутся, что ничего такого они ей не кололи. – Раздражаясь, она постепенно повышала голос. – Сами небось что-то не то сделали, а теперь репутацию берегут. А сын меня во всем обвиняет. Я, что ли, ее чем-то накормила? А если сама она, то с чего это, интересно знать? Жила на всем готовом, я и за ребенком присмотрю, и обед сделаю, и в квартире приберусь.

Надежда слушала ее и не могла понять, действительно Ленина свекровь считает себя во всем правой или старается убедить в этом ее, Надежду? До свекрови между тем дошло, что речь идет о покойнице, и она сбавила тон:

– Вот и в последний день, пришла она утром из больницы, я ей позавтракать предложила, она крошки в рот не взяла, потом прихожу я из магазина, а она вся накрашенная бежит по лестнице сломя голову. В поликлинику, говорит, больничный закрывать, а больничный-то, вот он, я у нее в сумочке нашла, закрытый он, не надо было ни в какую поликлинику ходить. А я утром звонила в поликлинику участковой нашей, так та говорит, что у нее вчера и приема не было. А потом, я жду-жду, не идут они с внуком из сада, я сама пошла, взяла его, смотрю – бежит с другой стороны совсем, а там машина отъезжает, синяя такая. Вот кто ее, интересно, подвозил и откуда? А сын со мной не разговаривает, и соседи тоже косятся.

– А милиция интересовалась чем-нибудь?

– Мы в милицию заявлять не будем. Зачем это, чтобы нашу фамилию везде трепали?

Свекровь сообразила, что разоткровенничалась с совершенно незнакомым человеком, и теперь рассматривала Надежду с подозрением.

«Все ясно, – подумала Надежда, – тебя не совесть мучает, а заботит, что соседи скажут».

Она собралась уходить. В прихожей зазвонил телефон. Свекровь послушала, потом положила трубку и нехотя сообщила, что свидетельство о смерти сыну выдали и что в графе «Причина смерти» там сказано: «отравление неизвестным ядом». А похороны будут не раньше понеделника, пока все бумаги соберут и родственники из Новгорода приедут.

Валя маялся в машине, смотрел виновато. Надежда вкратце сообщила ему о разговоре и о синей машине. Валя отмахнулся:

– Знаешь, ерунда все это. Судя по твоим рассказам, эта свекровь такая зараза, что могла нарочно все про Ленку придумать и про машину тоже.

– Может быть, может быть. Да, до смерти довести человека такой бабе раз плюнуть. Жалко Ленку! Давай вези меня домой – поздно уже, мои там голодные сидят.

– Ух ты, как она мужа боится!

Дома на диване сидели муж и кот с одинаковым выражением на лице и морде и дружно обижались на Надежду. Наконец муж повернулся и строго спросил:

– Случилось что-нибудь, что ты так поздно?

– Случилось много всего, потом расскажу.

Она прижалась к нему, потерлась щекой о плечо.

– Все, ни о чем плохом не хочу думать, впереди два выходных, будем только вдвоем.

– Втроем, – мяукнул кот.

К понеделнику подморозило, на кладбище было скользко и холодно. Стоя у открытой могилы, сотрудники перешептывались, всем не давала покоя история с отравлением, все ломали голову, что же там случилось. Приехали из Новгорода Ленины мать и сестра, а отец приехать не смог, сердце у него больное, как узнал, что дочки не стало, свалился в предынфарктном состоянии. Сестра плакала тихонько, а мать стояла, невидяще глядя перед собой. Всем распоряжалась свекровь. Повязав на рыжую копну волос черную косынку, она даже не делала вид, что скорбит, а только расставляла всех по местам, договаривалась с могильщиками и командовала, куда класть цветы. Всем было противно.

Надежда подошла к Вале Голубеву и сказала вполголоса:

– Елистратыч, готовься, речь будешь говорить, какая наша Лена была хорошая.

Валя встрепенулся:

– А почему я? Когда Никандрова хоронили, Синицкий же говорил.

– А ты на Синицкого посмотри.

Валя оглянулся. Действительно, было видно, что Леонид Петрович речь говорить не в состоянии. Лицо у него было абсолютно серое, щеки обвисли, что делало его похожим на больного бульдога, и постарел он лет на десять, если не на двадцать. Валя присвистнул:

– Это ж надо, с чего его так разбирает?

– Потом скажу.

Валя промямлил речь, она вышла неудачной. Вытирая пот со лба, он мрачно пообещал:

– На поминках напьюсь в стельку!

Все цветы были положены на свежую могилу, люди потянулись к выходу. Надежда задержалась: на этом кладбище были похоронены ее родственники, бабушка и тетя, ей хотелось взглянуть хоть мельком, все ли в порядке на могилах. Она свернула в сторону, убедилась, что все аккуратно, постояла минутку, вспомнив бабушку, потом заторопилась, хотела срезать путь, но свернула не в тот проход и вышла к воротам, когда похоронный автобус уже уехал.

«Вот те раз, что же делать?» – подумала Надежда, но тут увидела, как Леонид Петрович Синицкий отпирает синюю «девятку».

Надежда подбежала к нему, окликнула:

– Леонид Петрович!

Он вздрогнул, оглянулся, в глазах мелькнул страх.

– Леонид Петрович, подвезите меня хоть до метро, я не успела на наш автобус.

Он молча распахнул перед ней дверцу. Когда он наклонялся, чтобы помочь ей пристегнуть ремень, она почувствовала, что от него пахнет спиртным. Синицкий слыл в институте непьющим человеком, поэтому она удивилась, а увидев, как дрожат его руки, лежащие на руле, забеспокоилась: «Не влететь бы с ним в аварию. Надо же, как он переживает смерть Лены, видно, правду бабы болтали, что у них роман. Точно никто ничего не знал, сама Лена никому ничего не говорила, и никто их не заставлял обнимающимися в кабинете, но НИИ – это большая деревня: все про всех все знают. У нас ведь как: парочка еще только смотрит друг на друга, и чай они вместе пьют без всякой задней мысли, а наши дамы уже знают, что у них роман, и сколько он будет продолжаться, и кто кого первый бросит».

– Где вас высадить? – спросил Синицкий.

– Да мне вообще-то на поминки домой к Лене. Но вы довезите до проспекта, я там дворами дойду.

Машина остановилась.

– Спасибо большое, Леонид Петрович, всего доброго.

Но он даже не ответил.

На поминках выпили, посидели, вспомнили Лену, и хоть свекровь через два часа недвусмысленно дала всем понять, что пора уходить, Валька успел напиться если не в стельку, то все-таки набрался порядочно. В метро его развезло, он начал задремывать, а Надежда не смогла удержаться и стала его воспитывать, что начальники так себя не ведут, что на поминках вообще не напиваются и так далее. Он вяло оправдывался:

– Ну что ты, Надя, ну ты прямо как жена пилишь.

– Подожди, жена тебя еще не так пилить будет, – злорадно сказала Надежда, хотя все знали, что характер у Валиной жены был хороший и пилила она мужа крайне редко.

Валька вдруг встрепенулся:

– А ты куда едешь, ты же свою остановку уже проехала?

– Тебя до дому провожаю.

Валька растрогался, полез целоваться, Надежде стало смешно. На его станции Валя торжественно поклялся, что поднимется сам и сразу же пойдет домой. Надежда поехала к себе и, войдя в квартиру, позвонила Валькиной жене:

– Привет, Марина, дошел твой муж до дому?

Маринка хохотала в трубку:

– Явился, голубчик, такой гордый, говорит, что его женщины до дому провожают. Кто провожает, ты, что ли?

– Ну да, я.

– Я так и думала, кто еще на него польстится?

Они еще немного поговорили о детях и Надеждиной внучке и расстались.

Напротив дома на улице Верности у магазина сутулый мужик в рваном ватнике и шапке, надвинутой на глаза, скалывал лед. Пришел он часа в три, принес лом, скребок, работал не спеша, часто присаживался на лавочку покурить. В один из таких перекуров проходившая мимо пенсионерка взялась учить его правильно скалывать. Он поглядел на нее из-под шапки и миролюбиво сказал:

– Проходи, бабка, не мешай работать.

Так прошло часа полтора. В половине пятого в наступающих сумерках показалась пара: мужчина, росту невысокого, но коренастый и пузатый, и женщина, высокая, хорошо одетая, с надменным выражением лица. Так и есть: они! Ишь ты, какая баба. Из себя видная, в ушах цапки дорогие висят. Себя высоко ставит, всех людей мелко видит. А кто ты есть-то? Шалава, да и только. Спишь с мужиком за деньги, ни за что не поверю, что с таким козлом по любви можно. Он ею попользуется сейчас да к жене пойдет в семейный дом, а эта туда же, строит из себя королеву! Чего же это они на автобусе приехали? Наверное, не хочет машину здесь ставить рядом, чтобы никто не увидел.

Мужик посмотрел на часы и стал неторопливо собирать свой инструмент. Вот хорошо сейчас, никому ни до кого дела никакого нету, не то что раньше в советские времена, сразу бы прибежали: кто такой? Дворник? И какого ЖЭКа? Он зашел во двор магазина и бросил лом и скребок за ящики, потом перешел улицу по переходу на зеленый свет и зашел в нужную парадную. Так, минут сорок прошло, надо думать, они уже в постели. Ох уж эти пятиэтажки, вечно кто-то по лестнице шастает. Он подошел к двери квартиры на третьем этаже и прислушался. Днем он уже проверил эту дверь, смазал петли растительным маслом, поэтому они и не скрипнули. Проникнув в коридор, Халява замер и прислушался. Из комнаты доносились недвусмысленные стоны и вскрики. Он ухмыльнулся: пускай себе последний раз потешатся. Увидев в прихожей стул, передвинул его в темный угол за вешалкой, где его нельзя было заметить, и тяжело опустился на стул, приготовившись ждать. Что-что, а ждать он умел. Минут через двадцать в комнате стихли стоны и крики сменились умиротворенным воркованием. Судя по интонации, мужчина чего-то попросил. Скрипнули пружины дивана, женские шаги приблизились к двери. Халява поднялся со стула, подобрался. В дверях показалась обнаженная женщина. Белая кожа светилась в полутьме прихожей, темные волосы змеились по плечам.

«Хороша, стерва!» – подумал или, скорее, почувствовал Халява, сглатывая неожиданно заполнившую рот слюну.

Он резко шагнул к ней. Глаза ее расширились от ужаса, она хотела закричать, но огромные обезьяньи руки сами нашли горло и схватили, сжали, удержали ее крик. Халява любил такую работу. Делая ее, он всегда разговаривал с жертвой, уговаривал не кричать, не царапаться, не сучить ногами, но сейчас рядом в комнате был мужик, и приходилось делать все тихо-тихо. Глаза у бабы вылезали из орбит, лицо посинело, Халява нащупал хорошо известный ему позвонок, сжал посильнее, в горле хрустнуло, и баба обмякла в его руках.

«Вот то-то», – удовлетворенно подумал Халява и только тут заметил кровь у себя на руках.

Тихо опустив труп на пол, он подошел к зеркалу. На щеке темнели глубокие царапины. «Ишь, стерва, как исцарапала, а я и не заметил».

Он достал из-за пазухи большой тяжелый мясницкий нож и, крадучись, подошел к двери в комнату. Когда дверь с легким скрипом приоткрылась, мужик приподнялся в кровати.

– Ну где же ты, лапсик, я соскучился!

– Вот тебе твой лапсик-бабсик! – радостно хохотнул Халява, сделав огромный шаг от двери и с маху вонзив свой нож в толстый волосатый живот. Мужик ухнул, как филин, и забил ногами, Халява вытащил нож и ударил еще раз, чуть ниже горла. Чтото хлюпнуло, мужик пытался встать, пуская, как младенец, пузыри, только пузыри эти были страшного темно-красного цвета. Халява ударил еще раз, тот затих, и Халяве сразу стало скучно и противно. Он вытащил нож, вытер его одеждой, разбросанной по полу, обтер кровь со своих рук и лица и ушел, аккуратно закрыв за собой дверь квартиры. Он уже не увидел, как изрезанный мужик сполз с кровати, булькая и хрипя, заливая кровью паркет, выполз в коридор, переполз труп своей любовницы, дотащился до входной двери и только тут умер окончательно и бесповоротно.

Мария Семеновна, соседка, живущая ниже этажом злополучной квартиры на улице Верности, вечером после программы «Время» решила попить чайку. Она сполоснула чайник, открыла шкафчик и всплеснула руками – забыла купить заварки, а старая вся кончилась. Ну что ж, еще не поздно, придется идти к соседке Зинаиде. Она подошла к двери, долго открывала замки, которыми заперлась на ночь, и, машинально подняв голову наверх, заметила темное пятно на потолке над дверью. Ну надо же, опять у Жорки что-то протекло, и ведь сам не живет в квартире, пускает черт-те кого! Что они там делают? Она пошла к Зинаиде, вдвоем они позвонили в Жоркину квартиру, но, конечно, никто не открыл. Потом они изучили пятно на потолке, но снизу было плохо видно, лампочка слепила глаза. Зинаида посоветовала позвонить Жорке по телефону. Сосед Жорка сам жил у жены, а свою однокомнатную квартиру сдавал, но жильцы были не постоянные, а проходящие. И вообще-то люди все попадались приличные, не то что эти черные. Те понаедут, пятнадцать человек в одну квартиру набьются, семечки жарят, вонища на весь дом, шум, крики... Нет, у Жорки все тихо было, только в прошлом году скандал был один да вот сегодня пятно это. Ну уж потолок ей Жорка точно белить будет!

Мария Семеновна набрала номер, Жорка всполошился, клятвенно обещал завтра с утра приехать и попросил не вызывать пока аварийку, а то придут, дверь сломают, это же какие деньги на новую дверь надо! Ночью Мария Семеновна вставала посмотреть на пятно, ей казалось, что оно увеличивается и становится какого-то бурого цвета – краска, что ли? Но глаза уже были не те, волей-неволей пришлось ждать до утра.

Утром Жорка не явился. При свете дня обнаружилось, что пятно буро-коричневого цвета, но краской не пахнет. Мария Семеновна встревожилась и по совету Зинаиды вызвала техника и участкового. Участковый пришел раньше, техник позвонила, что идет со слесарем, тут прилетел Жорка. Дверь открылась на маленькую щелку, дальше что-то мешало. Участковый налег мощным плечом, щель увеличилась. Жорка рванулся было посмотреть, но когда в щель через порог стала видна бурая лужа на полу, участковый отодвинул Жорку, заглянул в квартиру и с криком «Мать честная!» выскочил. Потом он встал снаружи у закрытой двери и велел Марии Семеновне вызывать милицию – убийство, мол. Жорка побледнел и сел на ступеньки. Мария Семеновна с техником ждали милицию на улице, участковый врос в пол перед квартирой. Милиция приехала, завела Жорку в квартиру и начала процедуру осмотра квартиры, тел – их оказалось два, мужчина и женщина, – опроса соседей и так далее.

Во второй половине дня в комнату влетела Полякова, таинственно поблескивая глазами:

– Ой, девочки, что скажу!

Дамы собрались в кружок почему-то у Надеждиного стола.

– Сушенко Аркадий Ильич умер!

– Да ты что?

– Вот точно, звонили только что из дома.

– Только что звонили, а ты уже знаешь!

– А я как раз у экономистов была, и там женщина приходила матпомощь оформлять, ну, на похороны.

– Что-то в нашем институте последнее время одни похороны, – вздохнула Надежда.

– А что с ним случилось-то?

– Ой, да вы же слушайте дальше! И Лариса Павловна-то тоже!

– Что – тоже?

– Тоже умерла, мать ее звонила.

– Так они вместе, что ли, где-то были?

– Да надо думать, что не порознь умерли, ну я подробности еще выясню. – И Полякова умчалась.

– Ну вот, – сказал неслышно подошедший Валя Голубев, – дотрахались, значит.

Дамы сконфузились и разошлись. Надежда рассердилась:

– Ты, Валентин, все-таки выбирай выражения, про покойников ведь говоришь!

– А что, хорошая смерть, оба в один миг, уж лучше так, чем как Никандров!

– Ты погоди, что там еще выяснится.

И выяснилось.

На следующий день Валя попросил Надежду о помощи.

– Понимаешь, Жора Чапыгин звонил. Что-то у него там стряслось, неприятности большие, по телефону говорить не может, очень просит встретиться. И тебя просил привести, он тебя очень уважает.

Жора Чапыгин работал когда-то давно у них в институте, вечно что-то доставал, крутился, кипел: то занимался аквариумными рыбами – разводил их на продажу, – то какими-то бирманскими кошками – тоже разводил и продавал через клуб, потом хотел взяться за разведение щенков мастино, но жена не позволила, ей хватило бирманских кошек. В трудные дефицитные времена Жора также приторговывал книжками и дамскими сапогами.

Жора был маленького роста, почти лысый, прихрамывал с детства на левую ногу и имел в институте кличку Хромой Бес, но не за хромоту, а за неумеренное пристрастие к дамскому полу. Он любил всех женщин и ухаживал за всеми без исключения по принципу «Не прошло – и ладно», то есть ни капельки не огорчался, получая отказ, а, наоборот, начинал еще лучше к женщине относиться, но уже дружески. Лет ему было уже под пятьдесят, но про это никто не знал, потому что последние двадцать лет Жора почти не менялся. Когда-то давно, сто лет назад, он как-то вдруг попытался ухаживать и за Надеждой, но у нее это не вызвало ничего, кроме смеха. Жора не обиделся, а, наоборот, стал относиться к ней повнимательнее, доставал дефицитные книжки для маленькой тогда еще дочери Алены, лекарства для Надеждиной матери и модные тряпки для Алены подрастающей. С началом перестройки, когда народ понемногу начал нищать, а у Жоры был не то рыбный, не то кошачий период, начальство почему-то вдруг невзлюбило Жору. С точки зрения начальников, было за что: за все годы работы в институте Жора ни дня не работал, то есть на работу он приходил, хоть и с опозданием, и почти каждый день, но добиться от него хотя бы минимальной трудовой деятельности было невозможно. При этом человеком он был очень общительным, не жадным, да и не бедным по тем временам и частенько приносил к ежедневному общему чаепитию то коробку трюфелей, то килограмм ветчины, то мешок каких-нибудь булочек и пирожков просто так, без всякого повода. Вообще экономить Жора не умел, и деньги у него всегда текли рекой, но все-таки он умудрился и машину купить, и дачу построить, и содержать семью – неработающую жену и двоих детей. Поэтому начальство возненавидело Жору не за лень, таких-то в институте было сколько угодно, а за независимость и умение зарабатывать деньги вне стен института. Жоре предложили уволиться по собственному желанию, он уперся, начальство тоже пошло на принцип, дело вынесли якобы на усмотрение коллектива. Всем было неохота рисковать из-за Жоры,

тем более что он без работы не пропадет, и за Жорино увольнение коллектив преданно проголосовал в полном составе, не считая Вали Голубева, Надежды и еще двух-трех человек, которые, вспомнив гору съеденных Жориных пирожных, конфет и бутербродов, не смогли совладать с собственной совестью.

Жора уволился, ушел в бизнес, хотел открывать свое дело, но что-то там лопнуло, связался с МММ, а потом Надежда потеряла с ним связь. И вот он теперь звонит и просит приехать.

– Ну что ж, давай уйдем сегодня пораньше и встретимся с ним.

Они встретились, зашли в «Сладкоежку» на Марата, Жора сказал, что он угощает. Вообще он внешне мало изменился, но выглядел каким-то подавленным и Надежде сказал комплимент грустным голосом.

– Ну что, Жора, как дела твои?

– Ох, ребята, дела у меня – хуже некуда. Давайте за встречу и чтобы все наладилось.

Они выпили коньяку, потом Жора заговорил:

– Вы не поверите, но Сущенко-то у меня на квартире убили.

– Сущенко? Убили? – Это Надежда с Валей в один голос.

– Да тише вы, вон люди смотрят. Ну, сдавал я им квартиру для этого дела.

– Ты подожди, давай по порядку, говори толково, откуда у тебя квартира-то лишняя? – спросил Валя.

– Ну ладно, слушайте, по порядку так по порядку. В общем, как уволился я, сначала так перебивался, оформил ИТД в исполкоме, ну тут рыбки, кошечки, потом плохо все это пошло, и устроила мне одна знакомая баба заем в банке на три месяца. Я деньги в оборот пустил, все вовремя с процентами отдал, потом опять кредит взял, так и пошло, а потом связался с МММ. Сначала-то все нормально было, акции покупал, продавал, деньги все в срок возвращал, а потом... Говорили ведь мне умные люди, что пора с этим МММ завязывать, что лопнет все это, а меня жадность обуяла, дай, думаю, еще подожду, и в конечном счете пропало у меня... – Жора оглянулся и шепотом назвал сумму.

Надежда прямо ахнула:

– С ума сойти, какие деньги!

Валя присвистнул.

– Да уж, ты теперь как Марина Сергеевна: пострадал – и никому не веришь. Как же ты выкрутился-то?

– Ну, было что-то отложено, занял, кое-что продал, в общем, с банком рассчитался, остался ни с чем: ни денег, ни работы приличной. Новое дело начинать – капитал нужен, на работу хорошую не устроиться – возраст уже не тот. А у меня за год до этого тетка умерла одинокая и оставила мне квартиру у станции «Академическая» на улице Верности. Квартира однокомнатная, запущенная, все руки не доходили в порядок привести, а тут время нашлось. Прибрался там, старье выбросил теткино, обои новые поклеил даже, решил пока квартиру сдавать. А кому сдавать-то? Квартирка маленькая, приличный человек и не посмотрит. То араб какой-то приходил, порусски не понимает ни слова, думаю, наговорит еще по телефону на десять тысяч баксов, а потом слиняет; то две бабенки разбитные такие – понятно, будут мужиков водить, а в пятиэтажке ведь все виднотышно, соседи будут возмущаться. А потом опять же по знакомству свели меня с одним мужиком, в возрасте уже, за пятьдесят где-то, сговорились мы с ним. Я, говорит, там жить не буду, а так, мало ли с кем встретиться. Я его предупредил, конечно, чтобы все тихо было, а он так руками замахал: что вы, говорит, что вы, я человек семейный, мне неприятности ни к чему. Ну, проходит месяца два, деньги он аккуратно платит – дай, думаю, проверю, как там и что. Приехал как-то днем, гляжу – никого, в квартире чисто, только бутылки на кухне из-под коньяка и шампанского, а в шкафу – пять тюков постельного

белья. Это значит, впятером они квартиру эту делили, с понедельника по пятницу, у каждого свой день недели, а на выходные – домой, к женам!

Надежда поморщилась, а Валя развеселился:

– Это же надо, как люди хорошо устроились!

– Да, ну что, подогнал я машину, еще тогда машина была, загрузил багажник бутылками этими, сдал все и домой поехал. Деньги они платили, а в остальном – какое мое дело?

– А что с машиной-то случилось? – заинтересовался Валя как истинный автомобилист.

– Да продал. Тут, понимаешь, тоже еще напасть. Тесть с тещей у меня в Даугавпилсе ведь жили. Тесть умер, теща надумала сюда переезжать, там к русскимто отношение сами знаете какое. Там все бросила и нацелилась на эту мою квартиру, теткину-то! В деревне, где дом у нас, жить не хочет – говорит, условия не те. Ну, я машину продал, баню ей там поставил, печку переложил в доме, не сам, конечно, мужиков нанимал, купил пекарню электрическую, 300 долларов стоит, и поселил тещу в деревне. Она довольна, каждый день булки горячие печет и еще соседей снабжает, мешок муки я ей туда отвез.

– Чего не сделаешь для любимой тещи!

– Да ладно, машина все равно старая была. В общем, квартиру я сдаю, все хорошо, а потом скандал получился. Одного из этих пяти мужиков жена выследила. Да еще, стерва такая, как его заметила, до квартиры моей уследила, сразу ломиться не стала, а дежурила у дома целую неделю, всех вычислила и всем женам сообщила!

– Вот это да! – Валя продолжал веселиться.

– Да уж, скандал был страшный. Хорошо хоть милицию не вызывали, сами разобрались. А я потом думаю – все, хватит! Все там убрал, замок даже сменил на всякий случай, а прошлой зимой звонит мне вдруг Сущенко и давай уговаривать, чтобы я ему квартиру сдал, сами понимаете для чего. Говорит, что там, где раньше он снимал, вроде все в Израиль уехали. Я сначала отказался наотрез, но он прилип как смола: сдай да сдай!

– И откуда же он, интересно, узнал, что у тебя квартира есть?

Жора отвел глаза и пожал плечами.

– Все ясно, Жорка, сам туда баб водил, вот слухи и пошли.

– Да я так, одну с нашей работы.

– Вот она и протрепалась! – Валя был полон негодования, а Надежде все это уже начинало надоедать.

– Вот что, мальчики, если вы хотите про баб разговаривать, то это без меня, меня муж ждет. Давай, Жора, переходи ближе к делу.

– Ох, извини, Надя. В общем, уговорил меня Сущенко. Я подумал, что он с этой Ларисой уже лет десять, если не больше, так что жена его, если бы хотела, давно бы уже поскандалила. Но слово с него взял: чтобы больше никого! Он обещал, конечно, а сам так меня подставил.

– Прежде всего он себя подставил. Давай, Жора, не тяни, кто там еще был?

– Да вот, ходил я как-то за квартиру платить и за свет, там сберкасса рядом, смотрю – мать моя! – Синицкий выходит из моей парадной!

– Синицкий? – Надежда вдруг ощутила тянущее чувство тревоги.

– Ну да, и с ним эта блондиночка, у вас в секторе работает, забыл фамилию, Лена вроде. Надо же, думаю, с виду тихоня такая, а туда же, с Синицким!

– Так она же... – заикнулся было Валя, но Надежда пихнула его под столом ногой, и он замолчал.

– Ох, и зло меня взяло! Вы же помните, это же он меня увольнял. Да я же, когда обходной подписывал, с ним в кабинете разругался вдрызг! И что же это получается, думаю? Я же этой сволочи еще и квартиру предоставляю для любовных, так сказать, утех? Хотел Сущенко звонить и сгонять с квартиры, а потом поостыл, деньги-то нужны, думаю, найду сначала нового съемщика, а потом уж откажу.

– Давно это было?

– Да месяца три назад. Никого я пока не нашел, чтобы квартиру сдать, а позавчера вечером звонит мне соседка снизу, говорит, пятно какое-то подозрительное у нее на потолке. Ну, я наутро приехал, а она уже участкового вызвала. Как заглянул он в квартиру, так сразу кричит, чтобы в милицию звонили. А как я в квартиру зашел, чуть от ужаса не помер. Сущенко голый у двери входной лежит весь изрезанный, кровища кругом засохла уже, а Лариса тут же, у двери, задущенная, тоже голая, синяя вся, ужас! Ты прости, Надя, что я в подробностях рассказываю, стоит этот кошмар перед глазами, ни есть, ни спать не могу. Квартира вся кровью изгажена, даже на обоях кровь. Милиция в меня вцепилась как клещ – да кому квартиру сдавал еще, да у кого ключи могли быть, а я и не знаю ничего. И договора у меня с Сущенко никакого не было, чтобы налог не платить.

– А что милиция думает, кто это их?

– Говорят, похоже на заказное убийство, но только кто же это нашего Сущенко заказал, кому же он мешал?

– А про Синицкого ты милиции говорил?

– В том-то и дело, что не говорил еще. Я хочу этой сволочи в глаза поглядеть, чтобы он перетрясся, а я посмотрю. А как с ним связаться, не знаю, телефон у него поменялся.

– Так ты нас за этим звал, чтобы мы тебе телефон его новый сообщили?

– Да нет, конечно. Я поговорить хотел – может быть, там, на работе, что-нибудь известно.

– Не знаю, Жора, что тебе и сказать. – Надежда подумала, переглянулась с Валей. – А если хочешь совета, то подожди пока, не говори с Синицким, ну уж если милиция очень наседать станет, тогда скажи, что видел его возле подъезда. А мы пока на работе попробуем что-нибудь узнать, потом тебе позвоним.

Жора уныло согласился, на том и распрощались. В метро Валя тихонько спросил:

– А почему ты ему не сказала, что Лена умерла, и про Никандрова тоже?

– А ты видел, как он коньяк пил?

– Видел, ну и что, расстроен человек просто, еще бы, такое увидеть в собственной квартире!

– Да нет, Валя, по-моему, он пить стал не в меру, а с пьющим человеком нельзя откровенничать, он по пьяному делу все растрезвонить может. Ну ладно, Валя, я сейчас домой тороплюсь, завтра поговорим с утра. Ох, не нравится мне все это!

– Завтра люди кругом будут, давай сейчас пешком пройдемся и поговорим.

– Да ну тебя, Валька, моя с трудом налаженная семейная жизнь из-за этого уже по всем швам трещит.

– Ну беги тогда, Сан Санычу привет передай.

– Еще чего!

Надежда бежала от метро до дому, ругая себя последними словами. Ну зачем ей сдался этот Жорка, зачем позволила Вале уговорить ее, пошла бы, как все семейные женщины, домой, приготовила ужин. Да пропади оно все пропадом, все эти убийства, тем более что ничего не ясно, может, действительно все это совпадения. Муж ее ждет, волнуется, ужинать без нее ни за что не станет.

Она поднялась в квартиру, но на торопливый звонок ей никто не открыл. Отперев дверь своими ключами, она обнаружила одинокого кота, сидящего в полной темноте. Он посмотрел на нее печально, говоря взглядом: «Я знаю, что я в этом доме всем мешаю. Не беспокойтесь, вам не долго осталось меня терпеть, еще немного времени, и я умру от голода».

Надежда включила свет во всей квартире, положила Бейсику двойную порцию «Вискаса», отварила картошки, хотя есть ей после Жориных рассказов совершенно не хотелось. Время шло, муж не приходил, Надежда успела уже переодеться, смыть косметику – словом,

обрести совершенно домашний вид, и даже напилась чаю, когда раздался робкий звонок. Муж стоял на пороге, виновато улыбаясь.

– Что случилось, Саша?

– Ничего не случилось, просто у нас у одной сотрудницы день рождения был, мы после работы задержались как-то неожиданно.

– Ну, знаешь, – завопила Надежда в праведном негодовании, – я же все-таки волнуюсь, неужели позвонить нельзя было?

– Да понимаешь... Я хотел, а потом как-то все закрутилось...

Надежда надулась и замолчала.

– Ну, Надя, извини, случайно все получилось.

– Сотрудница молодая или старая? – сварливо спросила Надежда.

– Молодая, то есть не очень, то есть очень даже не молодая.

– Так я тебе и поверила!

Он подошел, просительно заглянул в глаза:

– Надя, давай мириться, а? Прости меня!

– Ну что, Бейсик, простим уж его, ладно?

Бейсик согласился простить.

* * *

Наутро опять Надежда пришла на работу пораньше, и опять Валя сидел в полном одиночестве.

– Вот, теперь к восьми на работу прихожу, начальство обязало, чтобы самому в щитовую ходить. Раньше Полякова после Никандрова приходила, а теперь наотрез отказалась: боится. Ну скажи, Надя, что ты обо всем этом думаешь, о вчерашнем Жоркином рассказе?

– Что я думаю? С одной стороны, произошло это не на работе, так, если подумать, какое нам дело? То есть неприятно, конечно, кошмар весь этот, Сущенко-то ничего был дядька. А Лариса Павловна, конечно... – Надежда поискала выражение помягче, – уж очень свысока на людей глядела... ну, о покойниках не принято, но такой смерти и злейшему врагу не пожелаешь. А ты еще говорил что-то про хороший конец вдвоем!

– Да уж, беру свои слова назад, это же сраму-то сколько!

– А представляешь, жене-то Сущенко сейчас каково? И детям? И у Ларисы мальчик остался!

– Слушай, ну интересно, кто же их заказал? Ведь это не представить, чтобы у нас в институте кого-то по заказу убили! Ну что мы, банкиры, что ли, какиенибудь или бизнесмены крутые, чтобы нас по заказу убивать!

– Мы с тобой, может, и не бизнесмены и живем на одну зарплату, очень, кстати, небольшую, а ведь есть у нас в институте и кооперативы, и малые предприятия, начальство везде там числится, деньги какие-то налево переводят, обналичивают их – в общем, не бедствуют.

– Я про других не знаю, но Мирзоев, например, честно ищет заказы на охранную сигнализацию и людям работу дает. Не знаю, сколько он сам зарабатывает, но народ на него не обижается, да ты и сама на него осенью работала, помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.